

СОАВТОР «КНИГИ ПРО БОЙЦА»

Орест Верейский... Народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, лауреат Государственной премии СССР. Более полувека в искусстве. Трудно даже просто назвать, перечислить все сделанное им в книжной иллюстрации, станковой графике, акварели, художественном репортаже. И на всем печать его личности, высокой художественной и человеческой культуры, народности таланта.

Три окна выходят на три стороны света. В какое ни взгляни, белые стволы берез и между ними просветы голубого неба. От этого в мастерской особенно светло и просторно. Орест Георгиевич перебирает передо мной большие листы ватмана. Шесть вариантов одного и того же сюжета: два бойца остановились, что-то перекинулись словечком, закурили. Это герои шолоховских произведений о войне. В незаконченном рисунке явственно видны характерные особенности творческого почерка Верейского — естественность и достоверность. Создавая образы литературных героев, он всегда обращается к своему жизненному опыту, к виденному собственными глазами. А сколько таких бойцов, которым среди тяжелой работы — войны выдался минутный перекур-передых, видел он за четыре военных года!.. Рисунки Верейского так естественны, что, кажется, он просто взял и перенес на бумагу виденную сцену. И в голову не придет, что он мог мучиться в поисках жеста или композиции. А тут шесть вариантов. Я не замечаю в них существенных различий. Но художника, видимо, что-то не удовлетворяет, раз он снова берет чистую бумагу...

Постепенно осваиваюсь в мастерской. Что она может сказать о своем хозяине? Здесь ничего лишнего, что отвлекало бы от работы. Обычные холстом стены смягчают освещение. За стеклами шкафов и полок множество книг. У каждого из трех окон рабочий стол. Интересно, может быть, в зависимости от времени дня или характера работы художник меняет место? Мое предположение вызывает улыбку. «Нет-нет. Все не так. Все проще. Видите, этот стол уже наполовину завален. Когда работать станет невозможно, перейду на другой. А однажды «находит стих» — все бумаги разбираются, ненужное выкидывается, и тогда устраиваюсь за любым...»

На окнах, будто дополняя березовый пейзаж, рельефно вырисовываются на свету деревянные фигурки: два слоненка, кенгуру и рыба с напряженным, взметнувшимся хвостом и просвечивающей дыркой-глазом. Позднее, уже перед самым уходом, я спрошу о них у хозяина. И он скажет смущенно: «Это все ветви и корни березы и ели. Не могу пройти мимо, когда вижу это в лесу. А дома не могу оторваться, пока не сделаю, и ничем другим тогда не занимаюсь...» Он берет в руки кенгуру, в сумке которой виден и кенгуренок. Это правда, что настоящий художник всегда остается немножко ребенком, сохраняя удивление перед миром, в котором не перестает делать открытия. И, может быть, отсюда обаяние Верейского — художника и человека, его естественность, искренность, мягкий и доброжелательный интерес к людям и вообще ко всему, что его окружает...

Он родился и вырос в семье, где главными были интересы искусства, литературы. Отец — один из крупнейших советских графиков, блистательный мастер портрета и пейзажа. Мать — писательница. Раннее детство прошло на Смоленщине, близ Вязьмы. Там он начал рисовать, там пробудился и интерес к иллюстрации. Мать рассказывала содержание многих книг, а мальчик на клочках бумаги старательно изображал их героев. В 1922 году перебрался в Петроград к отцу. Георгий Семенович Верейский не был педагогом-профессионалом, но сын считает его своим лучшим учителем. Благодаря отцу пришло увлечение графикой. Долгие годы Г. С. Верейский был хранителем собрания графики в Эрмитаже, и сын приходил туда в любое время, подолгу рассматривал рисунки великих мастеров. В доме бывали друзья отца — Бенуа, Добужинский, Сомов, Лансере. С отцом навещали большого Кустодиева. Почти два года посещал мастерскую Осмеркина. Когда стал пробовать себя в иллюстрации, прислушивался к советам Лебедева, Тырсы, Рудакова.

До войны молодой художник проиллюстрировал несколько книг. В этих первых работах были метко найденные детали и та живая непосредственность рассказа о людях, которая впоследствии стала одним из самых привлекательных качеств его графики. Но сам художник эти работы не считает вполне зрелыми и самостоятельными. По-настоящему он нашел себя в годы войны, иллюстрируя «Василия Теркина».

Путь в армию к месту назначения лежал из Москвы почти до Смоленска. Уже с редакцией фронтовой газеты «Красноармейская правда», с отступающими войсками отходили к Москве. А потом наступление — Московская область, Смоленщина, Белоруссия, Литва, Восточная Пруссия, Кенигсберг... «Ведь это путь Василия Теркина», — говорит Орест Георгиевич. И весь он был пройден рядом с Твардовским...

Работал много, делал все, что требовалось для фронтовой печати: плакаты, зарисовки мест боевых действий, портреты, карикатуры, жанровые рисунки, иллюстрации к рассказам и стихам, не оставлял станковую графику и акварель. Некоторые рисунки Верейского перепечатывала «Правда». На все годы войны домом для художника стала редакция «Красноармейской правды». Весной сорок второго года в замаскированном вагоне-редакции Твардовский прочитал первые главы своей «Книги про бойца». Тогда и началась дружба поэта и художника, дружба на всю жизнь. Сближало многое. Смоленщина — родина Твардовского и его героя была и родиной Верейского. На глазах у художника рождались многие главы «Книги про бойца», и он часто бывал свидетелем тех событий, о которых писал поэт.

В цикле Верейского к «Василию Теркину» больше семидесяти иллюстраций. Это своеобразная лирическая хроника, тоже «без начала, без конца, без особого сюжета». Рисунки следуют за течением поэмы, часто в качестве иллюстраций художник использовал жанровые сцены, пейзажи из фронтовых блокнотов. Ведь как и автор, он мог сказать о себе: «Я ступал в тот след горячий. Я там был. Я жил тогда...» В портрете Теркина удалось передать народные черты. Простое русское лицо, веселые искорки в глазах. Лихо сдвинута пилотка на правую бровь. Скалка через плечо. Неразлучная винтовка зажата между колен. Теркин свертывает цигарку, рассказывая при этом какую-то

забавную историю... Действительно, «святой и грешный, русский чудо-человек»!..

То, что Верейский прошел с Твардовским дорогами войны, сказалось и на иллюстрациях к «Дому у дороги» и к фронтовой лирике поэта. «Так случилось, — говорит художник, — что любой военный мотив, любое военное воспоминание соединяется у меня со строками Твардовского и, наоборот, любая строчка из военных стихов или «Василия Теркина» возвращает к фронтовым впечатлениям...»

Как Твардовский относился к иллюстрациям Верейского? В одном из писем 1961 года он обещает своему корреспонденту: «За далью — даль» вы, конечно, получите, как только выйдет (скоро) новое хорошо иллюстрированное (Верейский!)... издание». Этот восклицательный знак в устах Твардовского значит много.

Цель иллюстрации — вызвать ощущение времени, стиля писателя, настроения произведения. Критика отмечает, что в последние годы Орест Верейский не просто иллюстрирует книги, но как бы создает свой художнический эквивалент. Так, «Книга лирики» Твардовского («Советский писатель», 1983) задумана как страницы альбома, на которых рисунки художника, не являясь в прямом смысле иллюстрациями, близки по настроению стихам. Тут «работают» и воспоминания о Смоленщине детских лет, и виденное во время войны, и послевоенные впечатления — в пятидесятых годах художник вместе с Твардовским побывал в его родных местах, вместе ездили они и на большие сибирские стройки... Иллюстрации создают параллельный стихам образный ряд, эмоционально воздействуя на читателя, вызывая ассоциативные связи. В книге присутствует образ самого поэта. Раздел «Фронтовая лирика» открывает его портрет, сделанный в 1943 году, а раздел «Стихи последних лет» — портрет 1966 года. Мы видим кабинет Твардовского на даче в подмосковном поселке, где много лет поэт и художник жили по соседству, встречаясь почти ежедневно. Видим примечательные, любимые места их прогулок... Приходят на память опубликованные воспоминания Верейского о Твардовском, где он рассказывает, как оказался невольным свидетелем рождения одного из последних стихотворений Твардовского. Вся эта книга — дань безмерного уважения к поэту, дань дружбе, которой художник остался верен и тогда, когда поэт не стало...

Мы начали свой рассказ о художнике с работы, связанной с шолоховскими героями. К Шолохову Верейский обращался неоднократно — в начале пятидесятых годов иллюстрировал «Тихий Дон», позднее «Судьбу человека» и «Поднятую пелину», в этом году с иллюстрациями Верейского выходит книга военных повестей писателя («Они сражались за Родину», «Наука ненависти», «Судьба человека»).

Иллюстрации Ореста Верейского к роману «Тихий Дон» по праву считаются одним из лучших циклов советской книжной графики. Это были два года напряженной, увлеченной работы. Задумав иллюстрировать «Тихий Дон», Верейский предпринял поездку по донским станицам. М. А. Шолохов указал ему места, куда следовало поехать, и людей, которые были участниками описываемых событий, но никаких советов, пожеланий не высказал, предоставив художнику полную свободу действий. Верейский увидел казачий быт, делал зарисовки старинной одежды, седел, упряжи, телег... Тщательно изучал материалы гражданской войны на Дону. Сделал множество пейзажных рисунков. Обо всей этой подготовительной работе, о поисках прототипов для образов героев Верейский рассказывал в печати. Он писал, что за долгие месяцы работы над «Тихим Доном» так свылся, сдружился с героями книги, что, когда был сделан последний лист, испытывал чувство глубокого сожаления, как будто расставался с живыми, близкими людьми.

Когда иллюстрации были готовы, художник показал их Шолохову. Увидев первый лист — «Хутор Татарский», Михаил Александрович попросил разрешения пригласить посмотреть иллюстрации и жену Марию Петровну, коренную казачку, выросшую на Дону... К циклу в 47 листов было сделано всего два незначительных замечания... Уже много позже в одном из интервью, отвечая на вопрос, какие из иллюстраций к роману кажутся ему наиболее удачными, Шолохов назвал цикл Верейского.

Интересно, что многие сцены и образы иллюстраций Верейского были использованы в фильме «Тихий Дон». Об этом писал С. Герасимов в статье о работе над фильмом. Своеобразный отклик в кино получил и другая шолоховская работа Верейского. Когда в журнале «Огонек» был напечатан рассказ «Судьба человека», Сергей Бондарчук, увидев иллюстрации Верейского, пригласил его сделать эскизы костюмов и грима для фильма «Судьба человека».

После многих лет работы, отданных иллюстрированию современной литературы, Верейский обратился к классике: Гончаров, Чернышевский, Бунин, Толстой... Целый этап в его творчестве — работа, связанная с романом «Анна Каренина».

Иллюстрации Верейского к «Анне Карениной» не просто дополняют текст, делают его зримым, художник стремится как бы «промерить» глубину романа. Во всей этой огромной работе чудесным образом соединились разные стороны его дарования. Здесь сказались и опыт иллюстрирования «Тихого Дона», и умение живо передать эпоху, время (Л. Никулин «Россию верные сыны», М. Прилежаева «Жизнь Ленина»), и тонкое знание природы (книги М. Пришвина и К. Паустовского), и мастерское владение макетированием, точное видение каждой страницы книги.

Когда-то Юрий Пименов сказал о Верейском: «У него есть особое свойство таланта — входить внутрь той среды, которую он изображает». Об иллюстрациях Верейского обычно хочется сказать не только «совсем как в книге», но и «совсем как в жизни». Книжная графика — только одна область творчества Ореста Верейского. Он признанный мастер станковой графики и художественного репортажа. Всю жизнь развивая зрительную память, он умеет, обозначив штрихом, намеком мимолетное впечатление, создать потом законченное художественное произведение. Интересны и значительны его станковые серии — «Смоленщина», «На Ангаре», «Берега Енисея»... Он автор нескольких книг-альбомов, родившихся в зарубежных поездках (Чехословакия, страны Ближнего Востока, Исландия, Америка). Кстати, в его путевых дневниках, написанных легко, свежо и очень образительно, сказывается несомненный литературный дар...

М. ИСКОЛЬДСКАЯ.